

ПТИЦЫ ЛЕТЯТ НА ВОСТОК

1980-е

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРЬЯ ЛАРИНА

Дарья Ларина

Птицы летят на восток

<https://litres.ru/74420813>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бастиан, Вернер, Маттиас.

Инструктор. Учитель. Офицер.

Жизнь разведчика — вечная ложь в поиске правды. И он искал везде — от Баварских Альп до Восточного Берлина, начиная понимать: истины ему не найти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	47
Глав	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дарья Ларина

Птицы летят на восток

Глава 1

Лето восемьдесят шестого года било температурные рекорды в Европе. Западные немцы, считавшие жарой всё, что больше двадцати пяти по Цельсию, изнывали в офисах и промышленных кварталах. Майор Штофф, возможно, посоветовал бы им, но привык испытывать к немцам, живущим в ФРГ, только стабильно жгучую неприязнь.

В густых лесах Баварии зной ощущался иначе. Сочная листва деревьев укрывала тонкие тропинки, сохраняя комфортную температуру. Приятно пахло хвоей. А если дорога пролегла по открытым холмам, терпеть палящее солнце помогал медово-пряный аромат луговых цветов. Маттиас сделал ещё несколько шагов по тропе, что уходила вниз, стараясь не наступать на торчавшие корни многовековых деревьев, а затем, увидев гладь озера Вальхензе, едва улыбнулся и быстрым шагом направился к берегу.

Из всех земель ФРГ Маттиас больше всего ненавидел Баварию. И её же больше всего любил. Ненавидел за «баварский национализм», существовавший с момента присоединения к Германии ещё в девятнадцатом веке. Любил за умо-

помрачительной красоты природу, что трогала даже сердце майора разведки. Баварские Альпы с глубокими озёрами, холодный и своенравный Дунай цепляли его особенно сильно, заставляя с особой охотой искать уединения в тенистых лесах. Жизнь агента спецслужбы — непрерывный спектакль в жанре «боевик-трагикомедия». В бесконечных сменах декораций и ролей порой начинает стираться глубокое — настоящее и первозданное. И чувство «себя», будучи засланным в чужие земли, Маттиасу возвращала пусть и такая же чужая, но всё же природа. Она казалась здесь единственным собеседником, что не требовал слов, а просил лишь немного присутствия. Природа не требовала притворства, ужимок и масок. Не требовала *прикрытия*, а сама, казалось, была готова им стать.

Маттиас удобнее устроился на массивном бревне неподалеку от берега. Ранним утром озеро было бездвижным. Лес дышал жизнью, поляны — теплом, а зеркальная поверхность — мертвенным холодом, что тянулся со дна. Холодом, что был так похож на тот, что белой изморозью всё сильнее расползался внутри Маттиаса...

Шаг. Ещё один. Стук кирзовых сапог тонул в шуме ливня, обрушившегося на Восточный Берлин осенним вечером. Где-то там, под толщей дождевых луж, была брусчатка. Точно такой же вымощена площадь в Дрездене — перед Военной академией Фридриха Энгельса. Там, где Маттиас Штофф провёл пять лет жизни. Там, где становился идеальным

солдатом — машиной для исполнения приказов.

«Идеальный» солдат Национальной народной армии ГДР мог иметь лишь одну цель — защиту Родины. Но лейтенант Штофф имел ещё и другую.

У района Лихтенберг была мрачная, окутанная легендами репутация. Среди многоквартирных домов типовой застройки особенно выделялось длинное здание высотой в пятнадцать этажей. И каждый гражданин Германской Демократической Республики знал, кому оно принадлежит, но лишь строил теории о том, что творится внутри.

Маттиас был из тех безумцев, объятых ярким пламенем социализма, что считали это здание красивым. То ли потому, что его внешняя мощь отражала власть, которую имело Министерство Государственной Безопасности ГДР, именуемое в народе «Штази», то ли потому, что навевало молодому лейтенанту воспоминания из детства. Того периода жизни, который нормальный мальчишка проведет на улице, играя с друзьями в «войну». Того периода, который маленький Маттиас провел в стенах здания одной из лучших спецслужб мира, то и дело пытаясь отделаться от слишком заботливой фрау Трэнт и умышленно потеряться в длинных бесконечных коридорах, а если повезет — ещё и подслушать разговоры про войну настоящую.

«У разведчика не может быть семьи, — говорил отец. — В противном случае — все её члены обречены либо на смерть, либо на то, чтобы быть завербованными и вклю-

ченными в вечную гонку с преследованием».

Маттиасу было уготовано второе. Его матери — первое. Александра пропала без вести, когда Маттиасу было шесть. От неё не осталось ни детских колыбельных, что пелись на русском, ни мягкого женского тепла и заботы. Маттиас помнил только одно — ледяной холод ежедневно-го ожидания и отчаянных вопросов отцу каждый вечер — «а сегодня?». И его сухие ответы, что не менялись день ото дня:

«Нет».

Двенадцать лет спустя смерть нашла и отца — при исполнении воинских обязанностей на границе между ГДР и ФРГ в Восточном Берлине.

— Лейтенант Штофф? — безошибочно предположила секретарь в холле штаб-квартиры.

— Прибыл для встречи с генералом Фольксмеером, — кивнул он и проводил взглядом каплю, что сорвалась с промокшей насквозь фуражки, а после разбилась о гранитный пол, неподалеку от мокрых разводов вокруг черных сапог.

— Вы, кажется, очень торопились, — улыбнулась молодая немка, поднимаясь из-за массивного дубового стола, за которым сидела при свете лампы с красным абажуром. — Проследуйте на пятый этаж, — мягко попросила она, нажимая на кнопку вызова лифта. — Там сможете переодеться, привести себя в порядок и отправиться к генералу. Встреча назначена на семь часов. У вас есть ещё пят-

надцать минут...

Маттиас сдержанно кивнул. Будучи отличником службы, он знал, что являться в неподобающем виде к генералу не стоит.

— Генерал Фольксмеер? Позвольте доложить.

— Вольно, лейтенант Штофф, — руководитель штази, сидя за длинным столом, кивнул головой, а затем изменился в лице и тепло добавил: — Входи, Маттиас.

Лейтенант закрыл за собой дверь и прошел вглубь кабинета.

— В Мариенборне тоже дожди?

— Да, — сдержанно отвечал Маттиас. Этот разговор с генералом был обещан ему несколько лет назад, когда он, ещё будучи курсантом, встретился с генералом Фольксмеером после убийства отца. Но торопить его сейчас и задавать вопросы первым не стоило.

— Тебе там нравится?

Маттиас чуть наклонил голову, пользуясь тенью от козырька фуражки, чтобы скрыть недоумение. Категории «нравится» и «не нравится» генералу разведки свойственны едва ли.

— Нет.

В кабинете воцарилась напряженная тишина. Маттиас понял, что ошибся с ответом.

— Я ценю оказанное мне доверие, — приподняв подбородок, чтобы генерал хорошо видел его глаза, начал он, —

нести службу на крупнейшем контрольно-пропускном пункте между ГДР и ФРГ — большая честь для любого офицера Национальной народной армии Германской Демократической Республики... Войти в число сотрудников, обеспечивающих контроль легкового, пассажирского, грузового и железнодорожного транспорта — огромная ответственность. Контролировать важный маршрут в сторону Берлина, иметь доступ к системе подземных ходов и...

— Отставить.

Маттиас сжал губы, играя в напряженные переглядывания с генералом. Рассматривая его уже полностью поседевшую голову, он невольно вспоминал его ещё полковником, хорошо помня молодое лицо и темные волосы, и так же неосознанно, против собственной воли, представлял седым своего отца.

— Всё ещё жаждешь перевода на границу в Берлин, — по-родственному ворчливо произнес генерал и несколько раз кивнул сам себе.

— Всё ещё.

— Маттиас, — с нажимом начал он. — Я ценю твоё желание защищать государственную границу в столице, ты — отличник службы в Национальной народной армии и ценный сотрудник Министерства Государственной Безопасности. Ещё во время учёбы в академии ты смог выявить десятки случаев диссидентства как среди граждан, так и среди состава вооруженных сил...

Лейтенант Штофф нахмурил темные брови. Речи генерала казались подозрительно пространными, будто он сам или сомневался, или опасался последующих своих фраз. Если бы Маттиас уже не был завербован в «Штази», то непременно подумал, что с ним пытаются сделать именно это. В груди, плотно объятой кителем, зародилось интересное предположение.

— Куда? — твёрдо спросил он.

— Баварские Альпы.

Несколько секунд глухой тишины. Затем — вновь слова генерала:

— Ты — отличник стрелковых упражнений. Там, в ФРГ, от тебя потребуются это в первую очередь...

— Я думал, что в первую очередь от штази требуется верность Германской Демократической Республике. Особенно учитывая опыт с агентом Гейнсвальде, — Маттиас едва сдержал эмоции при воспоминаниях о Ханне, что была ему симпатична, несмотря на редкие встречи. Рыжеволосая, импульсивная, стрелявшая не хуже него фрау Гейнсвальде отправилась в ФРГ несколько месяцев назад и перестала выходить на связь со штабом. Другие восточногерманские разведчики тщетно пытались разыскать её, но ничего не выходило, и официальной версией стало её предательство и последующая вербовка в БНД.

Или её смерть.

И Маттиас надеялся на второе, потому что в таком

случае разочарование будет меньшим.

— Отправить в националистическую Баварию можно только тебя. Даже несмотря на то, что личный мотив может затуманить твой рассудок.

Маттиас снял фуражку и положил её на стол. Разговор становился серьезнее, но при этом — всё менее формальным. Личный мотив у него был только один — месть за убийство отца. Но чем больше времени проходило с тех пор, тем отчетливее Маттиасу казалось — месть эта случится едва ли. Министерство иностранных дел ГДР подавало ноту протеста аналогичному министерству в ФРГ и требовало выдать пограничника из Западного Берлина, что убил пограничника из Восточного одним прицельным выстрелом, но Западная Германия игнорировала требования, прикрываясь заботой о своём гражданине. В ФРГ были уверены, что ГДР учинит самосуд. И эта мысль — единственное, в чём они были правы. В остальном — Западная Германия сделала всё, чтобы не выдать своего преступника: скрывала его от общественности, поменяла личные данные по программе защиты свидетелей и постаралась скорее об этом «инциденте» забыть.

У Восточной Германии забыть не получалось и спустя семь лет.

— Он... в Баварии?

Генерал многозначительно кивнул, не разрывая зрительного контакта с лейтенантом, и тут же продолжил:

— По нашим разведданным — работает водителем у министра образования, а тот очень любит отдыхать в Альпийском курортном комплексе... — генерал прервался и наклонился вбок. Повернув ключ в замке верхнего ящичка стола, он вытащил небольшую папку.

Желтая картонная обложка, красная печать «совершенно секретно» и несколько страниц текста на шифре итази. Маттиас пристальнее всмотрелся в символы и разобрал начало: *Bastian Steinmann, 27, Schießtrainer. München.*

— Есть вопросы? — поинтересовался генерал, как только Маттиас ознакомился с содержимым и положил папку на стол.

— Да, — задумчиво кивнул он, продолжая смотреть на желтую обложку. — Почему мы всё ещё ставим эту печать о секретности?.. Ведь она только увеличивает вероятность того, что копаться станут именно в таких папках...

— Маттиас!..

— Бастиан! — в небольшом баре, расположенном в одном из альпийских домиков, уютно спрятанных в горах, раздался громкий возглас Франца — молодого бармена, что каждый вечер пленял постояльцев своим искусством флейринга.

— Morgen! — дружелюбно отозвался Бастиан, снимая серую кепку отточенным перед зеркалом движением — резким, будто непринужденным, но вместе с тем аккуратным, чтобы русый парик не сдвинулся с его коротко стриженных

черных волос ни на миллиметр.

— Ты сегодня не завтракал, — заботливо подметил Франц, навалившись на барную стойку, которую сам же до блеска натирал, пока скучал в баре между редкими утренними посетителями, что желали лишь похмелиться. — Не видел тебя в столовой.

— Проспал, — устало улыбнулся Бастиан.

Жизнь в ФРГ затянулась дольше, чем предполагалось изначально. И вот уже второй год Маттиас Штофф существует лишь за плотно закрытой дверью своего служебного номера. Но за его пределами жизнью живет Бастиан Штайнманн — инструктор по стрельбе в Баварских Альпах. «Ссылка» в Мюнхен требовала больших усилий — жить приходилось не в обычной квартире где-нибудь на окраине типичного западногерманского городка, а в замкнутом пространстве загородного комплекса, тошнотворное однообразие лиц персонала которого разбавляли приезжие гости. Бастиан умело втирался им в доверие во время прогулок по территории специально оборудованного стрелкового комплекса, заботливо отбирал оружие, когда гости становились слишком пьяны, сопровождал в номера заскучавших во время стрельбы жен и любовниц, с интересом слушая жалобные рассказы о жизни с певцом, полковником, футболистом, министром... И каждый раз находил в этом что-то интересное для себя и полезное для штаба.

Хотя баварский диалект — не только звучанием, но и на-

личием других слов — всё ещё сильно раздражал и резал слух. Но Маттиас справился и с этим, отлично копируя специфическую манеру разговора и произношения.

— *Всё ещё не... говорит?* — полковник Фольксмеер понизил голос до вкрадчивого шепота и бросил быстрый взгляд на семилетнего Маттиаса, за плечами которого уже виднелся школьный рюкзак. Ожидая отца в коридоре, он что-то рисовал, сидя за столом одного из секретарей — Фрау Трэнт.

— *Нет,* — отец попытался скрыть горечь, но та всё же просочилась в ответ.

Маттиас поднял глаза, прожигая мужчин недовольным взглядом, и даже угрожающе нахмурил темные брови. Он общался с миром только так — глазами, мимикой и жестами. Рожденный в семье, где общаются на двух языках, он был вынужден сразу учиться понимать и немецкий, и русский — с которым другие восточногерманские дети столкнутся лишь в школе. По этой причине первые серьезные слова и попытки собирать их в предложения появились у Маттиаса только в четыре, но в равных долях представляли собой как русские, так и немецкие.

Но трагедия с матерью серьезно ударила по неокрепшей детской психике. И уже в шесть — Маттиас вновь замолчал, каждый день вопрошая лишь: «а сегодня?».

— *Идеальный... разведчик!* — засмеялся полковник, хлопав коллегу и друга — Вольфганга — по плечу. — Только

слушает и ничего не разбалтывает!

Отец мрачно кивнул. Ему было не до смеха. И тогда он, конечно, едва мог представить, что пройдут годы и сын прекрасно овладеет русским, немецким, английским и французским.

И даже проклятым баварским диалектом...

— Я припас тебе бутерброды, — тепло улыбнулся Франц и, поправив волосы, собранные в пучок на затылке, вытащил из небольшого холодильника тарелку.

— Очень... Мило, — Бастиан заставил себя улыбнуться.

Несмотря на царившую в ФРГ свободу, Маттиас её ощущать не мог даже во время отпусков — отдыхал Бастиан Штайнманн, отправляясь в путешествия по всем землям Западной Германии от близкого к Баварии Баден-Вюртемберга до совсем далекого, находящегося на самом севере страны Шлезвиг-Гольштейна. А Маттиас Штофф вынужденно следовал за ним, изучая жизнь в стане принципиального противника, что когда-то давно — сорок пять лет назад — ещё таковым не являлся, сохраняя единство с нынешней территорией ГДР.

— Выглядишь... Дерьмово.

Бастиан понуро кивнул, размеренно поедая бутерброды с колбасой и запивая крепким кофе, который Франц готовил не хуже, чем самые изысканные алкогольные коктейли.

— Ты в зеркало сегодня вообще смотрелся? — продолжал негодовать Франц. — Глаза красные.

— Плохо спал, — пожал плечами Бастиан, едва сдерживая желание почесать глаза — сказывалось длительное использование цветных линз, изменявших карий оттенок на синий. Относительно новое изобретение — выпущенное в массы всего три года назад — было безопасным при правильном и, самое главное, кратковременном использовании с условием «отдыха», так как было ещё далеко от совершенства. Но вряд ли кто-то кроме Маттиаса мог похвастаться опытом использования цветных линз непрерывно на протяжении двух лет. Первые полгода всё было хорошо и ночных перерывов хватало глазам для восстановления. Затем на помощь стали приходить капли. Ещё позднее — Маттиас начал уходить в номер днём, когда не было посетителей, чтобы дать глазам отдохнуть. А затем — в солнечные дни старался уезжать в город, используя солнцезащитные очки.

Сейчас — перестало помогать всё. И каждая новая пара линз вызывала всё большее раздражение, покраснение и зуд.

— Хватит, Бастиан... — Франц внезапно перешел на напряженный шепот, предельно близко к нему наклонившись. — Я беспокоюсь. Тебе нужно бросать это. Я не знаю, кто тебе эту дурь поставляет, но...

Бастиан издал тихий, нервный смешок. Но улыбка с его губ исчезла сразу же, как только поверх его запястья легла ладонь Франца.

— Я могу посоветовать один реабилитационный центр... В Бонне...

— Я справлюсь, Франц. Сам.

— Вы все так говорите... — обиженно закивал он, не поднимая глаз. — Не ожидал, что ты до такого опустишься...

Бастиян приоткрыл губы, чтобы вновь попытаться убедить, что всё в порядке и попросить не выдавать начальству, но был сбит с мысли выпуском новостей, что шел по большому телевизору в углу бара.

— *Федеральное ведомство криминальной полиции ФРГ закрыло дело о покушении на министра образования Баварии — Гюнтера Шефера, что произошло полгода назад, — сообщила привлекательная телеведущая. — По результатам следственных мероприятий установлено, что отравляющее вещество было подмешано в еду министра, его секретаря и водителя в мюнхенском ресторане Oranienbaum. Далее Гюнтер Шефер отправился в альпийский комплекс Zeitgeist, где ощутил недомогание. Сам министр и его секретарь в результате отравления серьезно не пострадали. Согласно результатам медицинской комиссии — они получили гораздо меньшую дозу мышьяка, чем водитель — Хельмут Винклер — скончавшийся вечером того же дня уже в Zeitgeist. Криминальная полиция считает, что покушение на министра было организовано из-за его нововведений в образовательной политике, включающих в себя увеличение часов работы учителей, дополнительные изменения в экзаменах, многоступенчатую систему получения допуска к педагогической деятельности и...*

— Отвратительно! — прыснул Франц.

— Смерть невинного человека? — приподнял брови Бастиан, доедая бутерброды с мыслью о том, что на обед стоит перехватить что-нибудь овощное, иначе к проблемам с глазами добавятся ещё и проблемы с желудком.

— Эта реформа! Этот министр! — всплеснул руками бармен. — Моя мама — учительница в единственной школе в крохотном Миттенвальде! Там не хватает учителей, маленькая зарплата и все уезжают в Мюнхен или Ингольштадт... Или... — руки Франца непривычно задрожали. Он вынужденно опустил бокал на стол и закрыл глаза, пытаясь успокоиться.

— Всё хорошо, — сдержанно попытался успокоить Бастиан. Однако прикасаться к его рукам так, как делал это сам Франц по отношению к нему минутами ранее, всё же не стал. — Министр, может, и виноват, но умер водитель...

— Значит, эта смерть будет на его совести, — Франц открыл глаза, ошпарив неприятно озлобленным взглядом. — Удивлен, что ты все ещё размышляешь об этом...

— Не каждый день у нас ночью умирает человек... — пожал плечами Бастиан, возвращая в бар опустевшую тарелку. — Я сильно... Переживал.

Франц встретился с ним взглядом и саркастично ухмыльнулся.

— Ты сильно блевал.

Бастиан рассмеялся и, не удержавшись, всё же едва поче-

сал правый глаз костяшкой указательного пальца.

— Роль понятого оказалась слишком тяжелой!.. — попытался оправдаться он, вспоминая, как после допроса всех сотрудников, отправился в номер умершего в компании полицейских. С тех пор прошло несколько месяцев, но Маттиас всё ещё помнил каждую деталь — вплоть до расположения рук и ног Хельмута Винклера. Помнил, как от неприятного запаха, скопившегося за ночные часы, щипало в носу. Не настолько, чтобы вызвать у Маттиаса настоящий рвотный позыв, но всё же. Помнил свои растерянные чувства — торжество и радость отмщения с одной стороны и горечь от осознания того, что всё случилось не так, как хотелось.

Хотелось всё-таки пулей.

Маттиас несколько секунд наблюдал за тем, как на небольшой веранде, что выходила в сторону уличного тира с оборудованными мишенями, в том числе в виде чучел животных, грузный мужчина о чем-то шумно спорил со своей молодой спутницей. Не желая рассматривать человека, которого больше всего ненавидел, Маттиас перевел взгляд на стойку с оружием и понял, что из-за проблем со зрением американский «Кольт» начинал выглядеть почти как родной пистолет Макарова. Неприятная, извращенная мысль выжигала всё изнутри, потому что Маттиас прекрасно знал, как сильно они отличаются: как тяжелее ощущается в руке вес «Кольта» с его непривычно узкой рукоятью и иной балансировкой, как ярче ощущается отдача из-за более вы-

сокой убойной силы...

И как сильно не хватало в ладони восточногерманского друга, не раз помогавшего на пограничном пункте в Мариенборне.

Маттиас поправил тёмные очки — на глазах всё ещё были линзы и от солнечных лучей, что пробивались сквозь листву деревьев, сетчатку болезненно жгло. Ещё неприятней была необходимость снимать очки при контакте с посетителями. Но самым болезненным было осознание портящегося зрения, что вынуждало, при обучении гостей основам обращения с оружием, целиться в крупные мишени, чтобы не порушить собственный имидж инструктора.

И бесценное звание отличника стрелковых упражнений Национальной народной армии ГДР...

— Герр Винклер, — Бастиан не выдержал и подошел к постояльцу, стараясь держаться учтиво, но сам гость вел себя по отношению к другим отвратительно ещё до злоупотребления шнапсом, а теперь — осушив несколько рюмок алкогольного напитка, сопоставимого по уровню крепости с русской водкой, стремительно терял человеческое лицо. — Думаю, вам стоит отправиться в номер... Вас проводить?

Его спутница, неловко прикрыв избыточное декольте платья тонким платком, бросила на инструктора умоляющий взгляд.

— Герр... — растерянно протянула она, хлопая ресницами и намекая, что одна не справится.

— Штайнманны, — кивнул он, позволив себе едва заметную, успокаивающую улыбку.

— А, герр инструктор! Я твоё лицо помню! Хороший мальчика! — воскликнул герр Винклер, слишком активно поднимаясь из-за стола, а затем, ведомый ударившим в голову алкоголем, торопливо, едва не запнувшись, шагнул на улицу. — Я покажу тебе мастер-класс! Где мой пистолет?..

— Вы пьяны, — спокойно отвечал Бастиан, следуя за посетителем нарочито медленно — оружие было незаряженным, опасаться нечего. — С удовольствием постреляю с вами завтра, как только вы... — он на мгновение прервался, услышав вороний грай где-то наверху — в густой кроне деревьев, и неожиданно тепло улыбнулся. — Как только вы отдохнете.

— Он — один из самых неприятных гостей за всё моё время работы здесь, — покачал головой Франц, аккуратно поставив чашку с капучино на блюдце. — Тебе не стоит так о нём беспокоиться...

Бастиан вёл Хельмута Винклера в его номер по длинному коридору, помогая тому не запутаться в собственных ногах, когда за одной из дверей послышался детский плач.

— Вот-вот! — расхохотался Хельмут, едва собирая слова в предложения, и важно приподнял палец. — Эти восточные свиньи визжали на границе точно так же, когда я замочил одного из них!

— Хельмут... — покачала головой его спутница, в тот момент явно утопая в собственных огорчениях от выбора неправильного мужчины.

И не заметила, как помутнели глаза Бастиана.

В висках застучало. По спине пробежал мороз, а затем — тут же — горячие искры.

Несколько секунд он смотрел в покрасневшее одутловатое лицо убийцы своего отца. И понимал — он мог бы убить его здесь и сейчас. Без оружия. Голыми руками.

Но вместо этого, собрав все силы, искренне улыбнулся ему и заботливо произнес:

— Заходите в номер, герр Винклер.

Пока Франц отвлекся на вошедшую в бар начальницу службы заселения, что, как и всегда, зашла за утренним капучино, внимание Бастиана вновь привлек выпуск новостей:

— Лидеры СССР и США анонсировали вторую личную встречу, которая состоится в октябре в Рейкьявике и, возможно, обозначит новую веху в советско-американских отношениях... Напомним, первая встреча руководителей двух держав в Женеве осенью прошлого года завершилась Декларацией о недопустимости ядерной войны...

— Сначала американский актер называет СССР — «Империей зла», а затем снова соглашается на встречу с его лидером? — уточнил Франц, вновь вернувшись к Бастиану.

— Лучше и не скажешь.

— Разговоры ради разговоров. Создание ракет — чтобы

сначала пугать ими друг друга, а затем утилизировать?... В этом нет логики. Прямо как в этой чертовой стене. Неужели её так сложно снести?... Двадцать пять лет позора!..

Бастиан криво ухмыльнулся, наблюдая за эмоциональным коллегой, что ворчал себе под нос. Размышления Франца редко следовали четкой линии — чаще всего они были полны сиюминутных ощущений и лишены объективных оценок.

— Мир — хрупкая, недостижимая материя, друг мой, — шире улыбнулся Бастиан, замечая, как Франц выпрямился и явно смутился от такого обращения. Для него оно, очевидно, было искренним и многозначительным.

Но для Бастиана означало ровным счетом ничего.

— Угроза войны — полноценная отрасль, которая обеспечивает кучу людей рабочими местами... В условиях капитализма — это важно, ведь всем нам приходится выгрызать своё «место под солнцем», — Бастиан утомленно вздохнул и запрокинул голову к потолку, где медленно крутился массивный вентилятор, не давая никакого облегчения и ветерка, но добавляя к жаре неприятного шума.

— Ну и почему ты с такими размышлениями сидишь здесь, а не в Бундесвере? — очевидно обижался Франц, надувая губы, будто был юной девушкой. — Ты отлично стреляешь, да и... фамилия такая говорящая... Штайнманн!

Бастиан едва сдержал смех и, запустив пальцы за ворот синей футболки, чуть пошевелил ткань, желая хоть как-то облегчить воздействие полуденного зноя.

— Нет. Вся эта «милитаристика», эти приказы и отсутствие свободы меня раздражают. Не хотел бы всю жизнь провести в подчинении у какого-нибудь старого маразматика и потеть в фуражке...

С губ Бастиана не сходила ухмылка. Он знал — потеть в фуражке не так уж и тяжело. Куда неприятнее — потеть в кепке с эмблемой западногерманского БМВ поверх парика...

Франц покачал головой и направился к телевизору, чтобы переключить канал: слушать политические новости больше не было сил.

— *Mia san mia!* — воскликнул Бастиан, озвучив девиз одного из лучших футбольных клубов Европы — Мюнхенской «Баварии», когда Франц остановился на спортивном канале.

— *Mia san mia!* Смотрел вчерашний матч?

— Конечно! — убедительно врал Бастиан, что провел вечер за просмотром соревнований по плаванию. Терпения на просмотры долгих футбольных матчей у него никогда не хватало, а динамичное плавание — за исключением заплывов на длинные дистанции — легко удерживало внимание, заставляя хоть на немного отвлечься от постоянной концентрации на том, что происходит вокруг. Своеобразная «жвачка для мозга», напоминаяшая при этом о родине, где плавание — совершенно особый вид спорта.

— Маркус Кальтенубер... — мрачно пробубнил Франц, повторяя за ведущим новостей, и кивнул на телевизор, вынуждая Бастиана вновь обернуться и увидеть кадры с це-

ремонии награждения чемпионата мира по водным видам спорта. На подиуме чествовали молодого пловца из ГДР, за победу которого Бастиан ещё ночью выпил безалкогольного пива. — Поговаривают, что его мать — член правящей партии в Лейпциге...

— Наверняка добился всего с её помощью, — закивал Бастиан, подстраиваясь под нужную волну осуждения.

— Да! — эмоционально закивал Франц. — И наверняка не без допинга... «Осси» не могут без допинга.

— Ну, плавание в ГДР традиционно сильное... Может *эти* без допинга может... — Штайнманн неопределенно пожал плечами. — Выглядит весьма... — он снова обернулся к телевизору, вглядываясь в фигуру пловца. — Сильным.

Франц закатил глаза и возмущенно цокнул языком.

Бастиан едва сдержал смешок, и тот застрял в горле сдавленным кашлем.

Разгореться спору помешала молодая женщина, вошедшая в пустовавший бар. Тихий стук каблуков по паркетному полу продолжался недолго — сделав пару шагов, незнакомка, ощущая на себе взгляды мужчин, но не произнося слов приветствий, прошла к барной стойке и села рядом с Бастианом. Она стянула платок с волос, собранных в аккуратный пучок на затылке, но снимать объемные, закрывавшие половину худого, вытянутого лица, солнцезащитные очки, не торопилась.

Бастиан на мгновение испытал зависть — он и сам с удо-

вольствием сидел бы в баре в темных очках, используя это как «передышку» для глаз. Но следующая мысль — о том, что гостья может быть такой же несчастной шпионкой, которой стоило бы потребовать с производителей линз компенсацию за проведенные на себе «клинические испытания», заставила его криво улыбнуться.

— Кофе? — несмело попытался предугадать Франц, по опыту зная, что подобные, утонченные молодые гости не пили ничего крепче эспresso ни вечером, ни, тем более, в первой половине дня.

— Шнапс.

Бастиан и Франц переглянулись. Последний неопределенно пожал плечами и быстро нашел в баре нужную бутылку.

— Вы уверены?.. — тихо обратился к ней Бастиан.

— Да. Шнапс. Или киршвассер.

Понимая, что нарушает нормы приличия, гостья медленно, будто сопротивляясь собственным же действиям, стянула с лица очки. И если Бастиан тут же обратил внимание на её покрасневшие, заплаканные, но от того не менее привлекательные и выразительные глаза, то Франц не сдержался и издал восхищенный вздох:

— Паулина Берген! Балерина Национального театра Мюнхена!..

Глава 2

— Фрау Берген... — вторил Бастиан, вкладывая в её фамилию благоговейный трепет, несмотря на то, что балетом не интересовался, а любые формы танца оставляли его равнодушным, присутствуя в жизни лишь при необходимости расположить к себе нужную женщину.

Паулина смущенно, будто сама ещё не привыкла к своему относительно новому статусу, кивнула.

— Сегодня какой-то национальный день красных глаз? — пошутил Франц, понимая, что задавать прямой вопрос госте было бы не очень профессионально. Обычно он ждал, когда посетители дойдут до нужного состояния и начнут сами рассказывать о наболевшем.

Паулина и Бастиан неловко улыбнулись друг другу.

— Я плохо сплю в последнее время, — поспешил оправдаться Бастиан, но, заметив, как закатил глаза Франц, всё ещё считавший коллегу наркоманом, выразительно нахмурился, призывая помолчать.

— Для привлекательного молодого мужчины — это в порядке вещей, — едва слышно шмыгнув носом, подметила Паулина, а затем резко, как настоящая артистка, переменилась в лице, бросив на бармена нетерпеливый взгляд.

— Могу предложить вам коктейль «Роуз»? — тут же сориентировался тот. — В составе — киршвассер, вермут и

вишневый ликер... Будет приятнее, чем чистый шнапс.

— Было бы неплохо, — согласилась она, а затем, как только бармен отошел к холодильнику, встретила взглядом с Бастианом. — Вы... Давно здесь отдыхаете?

— Я здесь работаю, фрау Берген, — с легкой улыбкой отвечал он, замечая интерес со стороны балерины, хотя в её позе, действиях и фразах читалось некоторое смущение и волнение. Привыкнув получать мужское внимание без особых усилий, Паулина едва ли умела инициировать его от тех, кому в силу разных причин посчастливилось остаться к ней безразличным. — Бастиан Штайнманн, инструктор по стрельбе, — он протянул руку. — Буду рад научить вас обращаться с оружием, если захотите.

Вложив свою ладонь в руку Бастиана на несколько секунд и закрепив их знакомство, Паулина кивнула, а затем утомленно вздохнула. Несколько секунд она то и дело пересекалась взглядом с новым знакомым, но тут же принималась рассматривать что угодно — большие панорамные окна, за которыми виднелись цветущие склоны, деревянные своды крыши... И, судя по нервно бегающим глазам, ничто из этого не интересовало Паулину так, как Бастиан. Что-то, очевидно, тяготило её и рвалось наружу, но она до последнего пыталась подавить желание откровенничать.

Но, встретившись в очередной раз взглядом с красивыми, хоть и болезненно выглядящими синими глазами инструктора, и получив от него успокаивающую, добрую полуулыбку

— будто он готов поддержать её в чем угодно, несмотря на то, что они совсем друг друга не знают, все страхи и опасения исчезли, оставляя голые откровения:

— Я приехала сюда из-за бабушки. Она умерла, а я... Я не могу с этим смириться.

— Мне очень жаль... Примите мои соболезнования.

Паулина опустила глаза и шмыгнула носом, с волнением постукивая тонкими пальцами по небольшой лакированной сумочке. Эти фразы она уже слышала от коллег. Но это казалось сухим набором букв. Формальностью.

Бастиян наклонился ближе и прошептал:

— Уверен, красоты Баварии помогут залечить душевные раны...

Паулина подняла голову. Её тонкие, едва подведенные помадой персикового оттенка губы дрогнули и приоткрылись.

— Можем прогуляться до озера, — предложил он.

— С удовольствием, — тут же выдохнула она, обрадованная тем, что диалог между ними всё же установился и нет больше необходимости отводить взгляд.

— Фрау Берген! — окликнул её уже в дверях Франц, поднимая стакан с алой жидкостью. — А как же...

— Потом, — подмигнул Бастиян, заботливо пропуская Паулину на улицу первой.

Несколько минут они шли молча. Бастиян не стремился начать первым — то ли желая довести эмоции Паулины до точки кипения, когда она не выдержит и начнет изливать ду-

шу, то ли ощущая, как полуденное солнце припекало голову, усердно продираясь лучами сквозь ветки деревьев.

— Не смогу себе простить... — под нос шептала она.

Бастиян задумчиво кивал, неторопливо следуя рядом.

— Она любила меня больше всех...

Бастиян согласно хмыкнул, слушая скорее шелест травы.

— Меня не было рядом... — голос Паулины становился громче, но вместе с тем — надрывнее. Посреди лесной тропинки она вдруг резко остановилась и пристально посмотрела на спутника. — У вас есть пожилые родственники, герр Штайнманн?

— Остался только один, — признался он, а затем отстраненно улыбнулся и продолжил идти. — Мы, кажется, хотели дойти до озера?

Паулина вынужденно последовала за ним, быстро перебирая натренированными ногами.

— Вы очень близки?.. — она вновь резко замерла, оставшись позади.

Бастиян нахмурился и огляделся по сторонам, стараясь делать это максимально непринужденно — будто любовался сочной зеленью самых разных оттенков — от бирюзово-хвойных, до желтовато-травяных.

— Нет, — он обернулся к ней. — Выживший из ума дед по отцовской линии...

— Как долго вы не... Не виделись? — Паулина приподняла тёмные брови, кажется, только сейчас понимая, что за-

была в баре очки.

— Два года, — медленно, с толикой напряжения, тщательно выдаваемого за раздражение, отвечал Бастиан. — Мы никогда не ладили. Сейчас ему тем более нет до меня дела.

— Это не так.

Бастиан нахмурился сильнее. Высоко в кронах деревьев раздался вороний грай. Громкий. Будто указывающий, намекающий. Фраза Паулины звучала... Непривычно хлётко — как пощечина, целью которой было заставить посмотреть на вещи иначе.

— Я связан с ним лишь формальностями. И ехать к нему, потому что он пожилой, а я — молодой, кажется глупостью, — Бастиан сделал шаг навстречу, чувствуя, как под кроссовками хрустнула тонкая сухая ветвь. — Или... Вы думаете иначе?..

Паулина позволила себе улыбку. Совсем не такую, какую мог увидеть Бастиан ранее. Эта — была открытой, счастливой, искренней. Будто то, что она пыталась донести, говоря с адресатом на разных языках, удалось передать без ошибок. Будто сложная математическая задача, над которой она билась несколько часов, разрешилась самостоятельно. И Бастиан был поражен тому, как маска скорби и волнения на её лице сменилась торжествующим спокойствием.

— Я уверена, — выразительно прошептала она. — Вы как никогда нужны ему.

Спокойно теперь стало и на душе Бастиана. И спокойствие

это было долгожданным, но пока ещё всё же натянутым, будто чтобы расслабиться окончательно — требовалось совершить ещё пару усилий.

— Жизнь так коротка, герр Штайнманн, — продолжила Паулина с драматизмом в голосе, но всё с той же блаженной улыбкой на губах. — Вы должны бросить всё сейчас же и поехать туда, где *по-настоящему* нужны.

— Я нужен здесь, фрау Берген, — Бастиан продолжал играть отведенную ему роль до конца. — Здесь много работы. Тем более летом.

— Работа... — она качнула головой, произнося это слово с едким презрением. — Вас смогут заменить. Но дедушку — никто не заменит.

Бастиан приподнял бровь.

Паулина едва заметно кивнула.

Немой вопрос-уточнение. Треск кузнечиков в траве. И немой ответ.

— Только когда теряешь — понимаешь, как любил. Только когда уезжаешь — хочешь вернуться... Если бы я могла вернуться к бабушке...

Бастиан сделал два шага, что разделяли их. Подошел предельно близко, вынуждая Паулину посмотреть ему в глаза. В её — кажется, по-настоящему заплаканных — радость смешивалась со страхом. Прежняя жизнь юной немки осталась позади: Паулина была неопытна и совсем молода — этого требовала её профессия — и перспектива быть заброшен-

ной в горы — породжала страх, тугим узлом крепко затянувшийся в районе желудка. И мимолетный контакт с Бастианом был, возможно, последним искренним событием.

— Вы правы, — согласился он и коснулся ладонью её обнаженного предплечья. — Завершу дела в течение ближайших дней и... Проведаю старика. Надеюсь, ещё застану вас, когда вернусь.

Паулина печально улыбнулась.

Бастиан в Баварию уже никогда не вернется.

— Я здесь надолго, герр Штайнманн, — успокоила она и, медленно, будто боясь быть отвергнутой, прижалась к его груди. Вдохнула аромат колючего одеколона, смешавшийся с запахом влажной кожи. И горячо выдохнула.

Попрощалась, едва повстречавшись.

— Чтобы оправиться от смерти бабушки — понадобится много времени... — ласково произнес он и заботливо коснулся её волос, принимаясь поглаживать. — Но придет время, и боль расставания сменится радостью новых встреч.

Несколько минут они стояли обнявшись, будто были старыми друзьями или влюбленными друг в друга когда-то давно детьми, что встретились, уже повзрослев. Бастиан обрел в ней долгожданное освобождение. Паулина — надежду, что однажды освободят и её.

— Ты прекрасно держишься, — тихо прошептал Бастиан, а затем, поймав на себе испуганный взгляд, пояснил уже громче: — Для человека, который недавно потерял бабуш-

ку...

Бастиан подошел к двери нужного гостиничного номера в одном из отелей Мюнхена. В шифровке, что он получил вместе с рекламным автомобильным каталогом, который выписывал под предлогом того, что, работая инструктором, хочет накопить на «БМВ», были указаны адрес и время. Несмотря на то, что послание было написано на шифре «Штази», пришлось перестраховаться — в кобуре, что была спрятана под тонкой джинсовой курткой — благо, встреча была назначена на поздний вечер, лежал «Кольт» из тира. Забрать пистолет оказалось слишком просто — начальник даже не стал вслушиваться в мудреные объяснения инструктора по стрельбе о том, что один «Кольт» нуждается в срочной чистке и переборке, и, бросив безразличное «я тебе доверяю, ты же тут эксперт», побрел дальше по коридору альпийского комплекса. Бастиан же ещё несколько секунд смотрел ему вслед, ведь хороший «эксперт» мог и почистить, и перебрать пистолет самостоятельно.

Бастиан постучал в дверь.

— Войдите, — изнутри раздался женский голос. Отдаленно знакомый.

Толкнув дверь, Бастиан и вошел в номер.

— Ханна?

Агент Гейнсвальде — разведчица из ГДР, пропавшая «с радаров» два года назад — соблазнительно ухмыльнулась в

ответ. Живая и невредимая, с распущенными огненно-рыжими волосами, она с интересом рассматривала гостя, будучи облаченной лишь в черный шелковый халат. Как только Маттиас закрыл дверь изнутри, она подошла ближе.

— Ты...

— В порядке? — насмешливо закончила за него она. — Можешь проверить сам...

Она сбросила халат, позволяя ткани черными волнами обогнуть линии худощавой фигуры, а затем упасть на ковролин, и сделала последний шаг к Маттиасу. Тесно прижалась обнаженным телом к его груди, увлекая в страстный и требовательный поцелуй. Не отдаляясь и нетерпеливо отвечая, Маттиас принялся стягивать с себя куртку, затем — не глядя расстегнул наплечную кобуру. «Кольт», обтянутый коричневой кожей, лег на комод.

Ханна на секунду отстранилась, с коварной улыбкой посмотрев на Маттиаса в полумраке номера:

— Продолжай.

Быстрые движения пальцев — Маттиас расстегнул ремень и брюки. Пряжка с глухим стуком упала на пол. Ханна медленно опустилась на колени, не переставая вызывающе, даже избыточно развращенно смотреть в глаза Маттиаса. Дразняще поглаживая ладонями внутреннюю поверхность крепких бедер, она запустила пальцы сначала под ещё не снятую футболку, а затем — вниз, цепляя длинными ногтями край боксеров и опуская их до колен.

На краю сознания Маттиаса опасно звенело, заставляя опомниться. Заставляя вспомнить, что Ханна — агент программы «Венера», целью которой было соблазнение мужчин, что обладали важной информацией, что Ханна — не поддерживала связь со штабом...

Что Ханна — с огромной вероятностью не только вольно жила на территории врага, игнорируя приказы, но и могла ему уже полностью принадлежать.

Но стоило умелым губам сомкнуться, и Маттиас запрокинул голову, решая сосредоточиться на ощущениях. Утопая в смешении ароматов крепкого кофе, сигарет и тяжелых пудровых нот духов, он наслаждался дразнящими прикосновениями острых ногтей Ханны и горячих, быстрых движений её губ и языка.

Назойливые солнечные лучи, пробившись сквозь неплотную ткань штор, залили светом гостиничный номер. Маттиас поморщился, а затем медленно открыл глаза, но, вопреки ожиданиям Ханны, совершенно не испугался наставленного на него пистолета. Дуло «Кольта» застыло в нескольких миллиметрах от его обнаженной груди, а лицо Ханны было преисполнено излишне напускной, театральной решительностью.

— Мне понравился наш секс, — хрипло после сна начал Маттиас, успевая подметить, что в бюстгальтере грудь Ханны смотрится всё же лучше, чем без него, — но не настоль-

ко, чтобы расплатиться за него собственной жизнью...

— Мне нужна твоя помощь, — процедила сквозь зубы она, не сдвинувшись с места и продолжая сидеть на бедрах Маттиаса.

— Поэтому ты наставила на меня мой же пистолет? — Штофф вальяжно закинул руки за голову, позволяя себе чуть поерзать и ощутить кожей холодную сталь.

И заметить, как Ханна в этот момент испуганно едва дернула пальцем, отодвинув с курка.

Ханна блефовала.

— Обещай, что поможешь, — Гейнсвальде была не похожа на себя двухлетней давности. И на себя прошлой ночью. Нервная, будто загнанная и потерянная. Отчаявшаяся. Вчера, в запале страсти и ночного таинственного полумрака, Маттиас не успел разглядеть её синяки под глазами и впалые — ещё больше чем раньше — щёки.

— Что я получу взамен? — он изогнул бровь, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать насмехаться над сложившейся ситуацией в открытую.

— Разве вчерашней ночи было мало?..

Штофф выразительно скривился, будто съел что-то тошнотворно кислое. Ханна, будучи агентом «Венеры», привыкла добиваться от мужчин всего через секс. Но по отношению к другим агентам это, к её большому несчастью, не работало.

— Минет был слабоват.

— Шлюха из ГДР, — с презрением процедила сквозь зубы

она, наклонившись ближе.

— Твоё новое прикрытие? — Маттиас едва сдержал хохот.

Ханна с отвращением поджала губы и ощутило вдавила дуло в грудь Маттиаса. Но тот продолжал ехидно ухмыляться.

— Положи пистолет, Ханна. Если ты меня пристрелишь — я точно не смогу помочь.

Несколько секунд она тяжело дышала, будто пыталась замедлить разбушевавшееся сердце. Маттиас, вынужденно часто моргая воспаленными веками, не сводил с неё взгляда.

— Одевайся, — уже строго, без тени улыбки скомандовал он. — Предлагаю позавтракать... Или пообедать где-нибудь в тихом месте.

Тихим кафе возле футбольного стадиона можно было назвать едва ли, но и Маттиас, и Ханна понимали — это идеальное место для обсуждений. Болельщики, подтянувшиеся сюда, чтобы подкрепиться перед матчем, пили пиво и строили теории о том, с каким счетом победит любимая «Бавария», шумно спорили и занимали собой всё пространство. И на неприметную пару в углу никто не обращал внимания.

— Моя младшая сестра в детском доме, — внезапно начала Ханна, не в силах больше наблюдать за тем, как Маттиас умиротворенно поедает сосиски из перекрученной свинины с беконом. — Я хочу забрать её сюда.

Маттиас, не поднимая глаз, медленно поливал сладкой горчицей свой завтрак-обед, а затем принялся ещё и за пару кренделей, которые захватил у кассы. Беседы о судьбах бедных детей его не трогали. В отличие от бесед про судьбу Германской Демократической Республики.

— Два года ты не думала про сестру, а теперь...

Ханна наклонилась ближе и оскалилась:

— Два года я выполняла все поручения штаба, трахалась с погаными мужчинами и...

Маттиас отвлекся от сосисок, а затем с возмущением приподнял брови, вспоминая о прошедшей ночи, будто намекал, что его из списка «поганных мужчин» следовало бы исключать.

Но Ханна поправлять себя не стала.

— И теперь я имею право получить что-то взамен, — договорила она. — Начальство не хочет забирать меня обратно. Значит я могу забрать Хелену сюда.

Маттиас сделал глоток крепкого кофе, думая о том, что руководство не просто хотело забрать Ханну домой... Руководство вовсе пыталось её найти.

— У меня есть только паспорт ФРГ... — вкрадчивым шепотом продолжала Ханна, с ненавистью в который раз осознавая: страна распоряжается своими разведчиками как пушечным мясом, отправляя в один конец, без возможности вернуться обратно, пока на то не будет причины. — У меня нет визы, нет приглашения. Я не могу забрать её. Но ты —

можешь.

Штофф сдавленно кашлянул.

— Привези Хелену сюда. Ей семнадцать. Сложный возраст. Скоро она останется совсем одна. Я не хочу, чтобы она...

— Росла при социализме? — усмехнулся Маттиас, всматриваясь в лицо Ханны.

— Росла без меня.

— Я не могу этого сделать.

— Можешь, — прорычала Ханна. — Ты единственный, кто может проверить это под носом у ге...

Маттиас предостерегающе качнул головой, заставляя Ханну заткнуться, и оглушительно громко, но весьма натурально чихнул.

На мгновение Ханна поджала сухие губы и опустила взгляд на свою тарелку со шницелем, что уже, должно быть, остыл.

— У меня есть информация про убийцу твоего отца...

— А вот это уже интересно... — Маттиас вытер губы салфеткой и поморщился, услышав звон разбитого стекла — бокалы, дойдя до напитков с высоким градусом, начинали бушевать ещё до начала матча. Издалека слышался возмущенный голос владельца кафе.

— Расскажу, когда увижу Хелену. Рядом с собой.

Маттиас откинулся на спинку стула, усмехнулся и почесал щетинистую щеку, думая скорее о том, что перед возвраще-

нием в ГДР нужно будет обязательно побриться, а не о словах Ханны.

— Я не смогу привезти её сюда. Я еду... Без обратного билета. Но я могу взять с собой тебя.

Предложенный вариант Ханне пришелся по душе не сразу. Она задумчиво постучала пальцами по столу, а затем нервно отломилла кусочек от румяного соленого кренделя с кунжутом, что остался на тарелке Маттиаса.

— Я согласна.

В назначенный день Маттиас и Ханна встретились в вагоне электрички Мюнхен-Штутгарт, но на протяжении всей поездки, несмотря на то, что сидели напротив друг друга, не произнесли ни слова. Маттиас увлеченно читал газету. Ханна — изображала заинтересованность в разговоре с пожилой немкой, что ехала в гости к внукам. На то, чтобы добраться из ФРГ в ГДР Маттиас отвел целый день. С раннего утра им предстояло сначала проделать большой маршрут по Западной Германии, чтобы сбить со следа тех, кто, возможно, захотел бы по нему пойти, и добраться до Нижней Саксонии, где проходила граница с восточногерманской Саксонией-Анхальт. Там же — располагался крупнейший контрольно-пропускной пункт на границе двух стран.

Там же — когда-то служил Маттиас.

В Ганновере, куда они добрались на автобусе, неподалеку от неприметной забегаловки, их ждала легковая машина.

Внутри сидели двое мужчин.

— Автомобили дипломатов на границе не проверяют. По-едем с нашим представителем из посольства ГДР в Бонне, — напомнил Маттиас, заметив смятение Ханны, и убрал свой чемодан в багажник. Ханна, в отличие от него, ехала налегке — с одной сумкой, видимо, всерьез намереваясь вернуться обратно в Мюнхен. Но Маттиаса это лишь забавляло. Ему было очевидно: Гейнсвальде перестала служить кому-либо и хотела начать жизнь в ФРГ — или, быть может, и вовсе в другой стране — вместе со своей сестрой.

Но, ступив на путь шпиона, сойти с него по собственному желанию невозможно.

Пограничный пункт в Мариенборне Ханна завидела изда-лека. Посреди ночной дороги он ярко выделялся вышками с огромными прожекторами, что слепили глаза и заливали светом всё вокруг, не оставляя ни единого темного пятна, где можно было что-то скрыть.

Маттиас, вольготно расположившись на заднем сидении машины, с удовольствием наблюдал за работой коллег — за тем, как они использовали рентгеновские аппараты для кон-троля багажа и грузовых автомобилей, и за самим процес-сом досмотра одного из легковых автомобилей, что ехал в Восточный Берлин и теперь был окружен тремя погранич-никами. Один общался с водителем, проверяя документы, двое других проводили досмотр с помощью стационарных и ручных зеркал.

На губах Маттиаса появилась счастливая ухмылка. Пахло воспоминаниями — машинным маслом, бензином, едой из приграничных забегаловок, служебными собаками и сигаретами.

Ханна же напряженно сжала ладонями ткань темной юбки и теснее прижалась к Маттиасу, ища поддержки. Заметив, что ехавшая впереди машина, двинулась с места, очевидно, будучи допущенной к переезду через границу, Маттиас тихо прошептал:

— Поцелуй меня.

Ханна обернулась, издавая едва слышный вздох удивления, но Маттиас не дал опомниться и притянул к себе, жадно впиваясь в губы и закрывая ладонью половину её лица.

— Герр Хартманн, доброй ночи, — сбоку раздался голос пограничника.

— Доброй ночи, герр лейтенант, — отозвался дипломат через приспущенное окно автомобиля, а затем счастливо улыбнулся и махнул рукой в сторону заднего сидения. — Мой брат. Едва поженился. Едем домой на отдых.

Пограничник устало, безразлично улыбнулся и пропустил автомобиль дальше.

Маттиас победно рассмеялся в губы Ханны и отстранился.

— В каком звании ты вернулся домой? — тихо уточнила она и попыталась отвлечься от волнения, наблюдая за тем, как половина пограничного пункта остается позади. Осталось проехать мимо восточногерманских пограничников.

Но Маттиас лишь качнул головой, красноречиво улыбаясь. Не потому, что его забавляла Ханна. Радовало возвращение домой. «Бастиан Штайнманн» остался в ФРГ лишь в воспоминаниях коллег и клиентов. Он никогда не вернется. Никогда не умрет.

И никогда не рождался.

— Не доверяешь? — печально улыбнулась Ханна.

— Не доверяю, — строго отозвался он, замечая впереди группу пограничников, среди которых были знакомые лица.

— Почему?

— На это есть много причин, — Маттиас, изменившись в лице и больше, кажется, не намереваясь играть с Ханной, посмотрел ей в глаза. И в ту же минуту она поняла, что дороги назад в ФРГ может уже не быть.

— О чём ты?..

Дверь с её стороны открылась снаружи. Ханна повернула голову. Рядом стояли люди в форме.

— Ханна Гейнсвальде, вы обвиняетесь в государственной измене, — объявил один из них.

В руках другого блеснули наручники.

— О чём я? — напомнил Маттиас, выходя из машины, когда Ханну вытащили оттуда насильно. — О том, что о твоей сестре придется остаться в ГДР. И о том, что убийца моего отца уже мёртв, — произнес он, подойдя к Ханне вплотную, пока коллеги застегивали на её тонких запястьях наручники. — И я к этому причастен.

— Убедившись, что это — он, — Штофф нахмурился, понимая, что возможность напрямую поговорить с генералом теперь, после отъезда в Баварию, случится нескоро, — я могу... Отомстить?

— Желательно посоветоваться.

Маттиас задумчиво кивнул, несколько секунд вслушиваясь в шум дождя, что не собирался стихать и безжалостно стучал по карнизу.

— Если не будет времени?

— Действуй, как считаешь нужным. Но в случае провала — тебе придется брать ответственность на себя лично, а мы будем вынуждены выдать случившееся за провокацию... Но всё же надеюсь, что у тебя хватит сил, чтобы не пустить ему пулю в лоб при первой же встрече, а действовать более... Тонко.

Проводив машину, что увезла Ханну, и попрощавшись с дипломатом и его водителем, Маттиас обхватил ручку чемодана и направился к окну, где виднелся полусонный пограничник.

— Ключи от туалета, — в приказном тоне попросил он, вернувшись в свои реалии, в свою «личину» и понимая, что пограничник, с которым он начал разговор — ниже по званию.

Молодой обер-лейтенант сонно проморгался и нахмурился, смерив Маттиаса непонимающим взглядом.

— Он только для служебного пользования. Гражданский

— на заправке или в кафе на обочине.

— Генерала Фольксмеера вы не пустили бы тоже? — с улыбкой уточнил он, замечая, как при упоминании руководителя «Штази» пограничник занервничал.

— М... Майор Штофф? — прищурившись, предположил он.

— Да. И мне очень нужно снять эти чёртовы линзы. А перед этим — тщательно вымыть руки.

— Scheiße! — тихо шипел Маттиас, сидя в салоне черной «Волги» на пассажирском сидении. Выкинув в помойное ведро туалета ненавистный парик и закинув туда же линзы, он рассчитывал ехать по улицам ночной родины в приподнятом настроении, но зуд сводил с ума, проникая, казалось, прямо в мозг и рождая желание почесать ещё и там.

— Майор Штофф? — тревожно позвал лейтенант, присланный, чтобы доставить Маттиаса в Восточный Берлин, и на мгновение отвлекся от дороги. — Всё в порядке?

— Мне нужно в госпиталь. Сейчас.

Лицо лейтенанта вытянулось от недоумения. Он сбавил скорость.

— Но генерал велел доставить вас к нему...

— Генерал подождет. Моё зрение — в его же интересах.

Глава 3

Маттиас шел по военному госпиталю в Восточном Берлине, сжимая в руке книгу. Освещение в длинном коридоре было тусклым. Казалось, что от жизни в этом здании остались жалкие крупички. Но Маттиас знал, что на верхних этажах находились палаты с проходящими лечение военнослужащими, где он и сам однажды провел две недели, а внизу — кабинеты врачей и небольшой «приемный покой», который большую часть времени был действительно спокойным, в отличие от аналогичных в гражданских больницах. Но в кабинетах некоторых врачей горел свет и сейчас. А дверь офтальмолога и вовсе была открыта.

Маттиас прижался плечом к косяку двери, рассматривая профиль Эммы Шнайдер. Высокая, неизменно серьезная, с собранными в низкий хвост темными волосами, она что-то читала, склонившись над столом. Будучи одной из самых молодых сотрудниц госпиталя, на неё, сразу же после трудоустройства, тут же началась «охота». И любой мужчина, попадавший в кабинет доктора Шнайдер — по вопросам лечения или на профосмотр — тут же пытался произвести на неё впечатление. Но Эмма достаточно быстро остановилась на подполковнике армии ГДР. И неудобный интерес прекратился тут же. По ночам в госпитале она оставалась лишь когда муж уезжал в командировки. В остальное время — рабо-

тала исключительно по графику.

Маттиас негромко постучал по косяку костяшкой пальца. И улыбнулся, когда Эмма не обратила на это внимание. Она сидела боком к входной двери. Маттиас помнил, что красавица-офтальмолог была с рождения глуха на одно ухо, из-за чего даже шутила, что сможет ездить с мужем на учения с применением крупной военной техники, если будет стоять нужным боком к происходящему, но не помнил — на какое именно.

Сейчас убедился — на левое.

Сделав пару шагов к ней, Маттиас положил на край стола книгу. Эмма едва вздрогнула, не рассчитывая на гостей в третьем часу ночи, а затем обернулась.

— Майор Штофф! — с облегчением воскликнула она, тут же понимая — опасности нет, и переключила внимание уже на книгу. — «Гибридизация фрагментов ДНК. Джордж Тэнт, Генри Филлипс»...

Маттиас, замечая восторг Эммы, что с трепетом провела пальцами по матовой обложке, едва заметно улыбнулся. Два года назад доктор Шнайдер выдала ему первый комплект линз, а затем, сильно смущаясь и опасаясь быть кем-то услышанной и не так понятой, тихо попросила привезти книгу авторства американских биологов, что недавно была издана на Западе. Маттиас напомнил, что если это исследование — критически важное для развития мировой биологии и медицины, то книгу можно будет найти и в Восточной Германии.

Но Эмма была нетерпелива. И очаровательна. То ли *вопреки*, то ли *благодаря* браку с подполковником.

— Надеюсь, у нас её всё ещё нет? — усмехнулся он. — Даже на Западе найти оказалось не так уж легко.

— Теперь — есть, — счастливо улыбнулась Эмма и вновь посмотрела на Маттиаса — на этот раз уже внимательнее, а затем нахмурилась, отложив книгу в сторону. — Кошмар! — возмущенным шёпотом воскликнула она, поднимаясь из-за стола. — Чем вы там занимались? Кокаин, насколько мне известно, вдыхают через нос, а не засыпают в глаза...

— Весси извратили всё — вплоть до способа принятия кокаина... — с напускным страданием вздохнул он, а затем стал серьезнее. — Это — обратимо? Если не смогу стрелять как прежде — пушу пулю себе в висок. Там и целиться не нужно.

— Я же предупреждала не использовать линзы слишком долго... — ворчала Эмма, усадив майора на кресло, и отвернулась к рабочему столу.

Маттиас ухмыльнулся — не все медицинские рекомендации применимы в жизни. Особенно — в жизни разведчика.

— Здравствуйте, меня зовут Ульбрихт, — шутливо начал он, не раскрывая имени своего прошлого прикрытия, — с утра у меня — синие глаза, а к вечеру — карие. Я — мутант, созданный в кровавых подвалах ГДР и посланный на ваши земли с возмездием.

Плечи Эммы дрогнули, и она рассмеялась, возвращаясь к

Маттиасу уже с офтальмоскопом в руках. Через пару весьма неприятных минут, когда и без того воспаленные глаза майора испытали на себе и концентрированный свет фонарика, и капли для расширения зрачков, доктор Шнайдер задумчиво хмыкнула, отметив легкое слезотечение, светобоязнь, уменьшение прозрачности и блеска роговицы, а после озвучила вердикт:

— Аллергический кератоконъюнктивит.

Маттиас кратко кивнул. «Медицинский» в число языков, которыми он владел, не входил. И отчетливо было понятно только первое слово.

— Стрелять буду?

— И глазами в том числе, — усмехнулась Эмма, опускаясь за рабочий стол. — Я выпишу лекарства. При соблюдении всех рекомендаций — кератит успешно лечится без снижения зрения...

Ночь Маттиаса, в которую он вернулся домой, тянулась бесконечно. До первых лучей рассвета — около двадцати минут. До встречи с генералом — чуть меньше. А пока — неторопливая беседа с лейтенантом, что был за рулем и пересказывал майору новости последних лет. За основными, конечно, он следил посредством мировых новостей. Но ГДР попадала туда редко и, как правило, в связке либо с «империей зла», либо с какими-то очередными ужасающими нелепицами про Антифашистский оборонительный вал. Быть в

курсе событий было критически важным — двадцатый век, со стремительно развивающимися технологиями, добавил спецагентам новое поле битвы — информационное.

— «Роботрон» снизил цену на свой очередной компьютер. И теперь их стряпают как «Гриллеты»...

— Спрос высок? — уточнял Маттиас, не открывая глаз. Хотелось смотреть на улицы Восточного Берлина, но капли доктора Шнайдер, что были нужны для качественного обследования глазного дна, имели неприятный эффект размытого зрения и легкого покалывания. Но, по словам Эммы, пройти должно было уже скоро.

— Да. Есть и поставки за рубеж.

Маттиас улыбнулся уголками губ. Восток Германии после окончания Второй мировой находился в упадке и утопал в разрушениях. До начала войны здесь разрабатывались первые программируемые компьютеры и первый язык программирования — Планкалкюль. Но и эти, и другие исследования в области электронной промышленности, были либо забыты на время боевых действий, либо усовершенствованы как раз для применения на фронте.

— Сейчас цена в районе девятнадцати тысяч марок...

Маттиас приоткрыл один глаз, понимая, что благо всё же было не очень доступным. Но возможным для достижения при большом желании.

И хотя изначально кибернетика — как в ГДР, так и в СССР — была из области лженауки и «идеологического ору-

жия империализма», позднее её развитию начало уделяться должное внимание и финансирование. Во многом из-за необходимости и в этом поле противостоять американской компании IBM, что успешно и вольно захватывала рынок.

— Вас подождать, майор Штофф? — уточнил лейтенант, остановившись у здания Министерства государственной безопасности.

— Нет. Приступайте к дальнейшим указаниям.

Буквально пара шагов по асфальту, тяжелая входная дверь, ещё одна — полегче, а после — просторный холл штаб-квартиры МГБ. Внутри за два года ничего не поменялось. И складывалось ложное ощущение, будто жизнь здесь, как внутри здания, так и за его пределами, словно поставили на «стоп» в отсутствие Маттиаса. Но так казалось лишь на первый взгляд. Стоило присмотреться чуть лучше — и вот уже у молодого секретаря — Линды Готтберг — прибавилось морщин и улыбка стала вымученно-усталой. А лампа на её столе явно стала более тусклой и требовала то ли новой лампочки, то ли встречи с мусорным ведром.

— Майор Штофф! — подорвалась с места Линда.

— Доброе... Утро, — улыбнулся он. — Генерал у себя?

— Ожидает. Проводить?

— Нет. Отдыхай.

Выдохнув с толикой облегчения, Линда улыбнулась искреннее.

Поднимаясь наверх по лестнице, чтобы смахнуть налет

усталости после поездки на машине и взбодриться, где-то «под коркой» майора разведки всплывали привычные напоминания о форме, о неподобающем виде — куртка поверх футболки и джинсы. И с каждой пройденной ступенью он возвращался не к генералу, не к ГДР, а к себе прежнему. Первый лестничный пролет — торопливый отъезд в ФРГ, первое пересечение границы, которую он ранее старательно охранял. Второй — перестрелка в Мариенборне и ранение в левый бок. Ещё один — первое назначение на пограничную службу и личное оружие. Официальное удостоверение сотрудника Министерства государственной безопасности и твёрдое решение взять себе тот же позывной, что носил отец. Убийство отца. Выпуск из Академии с отличием. Безукоризненная стрельба. Строевая подготовка. Окончание школы. Первое знакомство с пограничным пунктом в Берлине и крупной овчаркой Шнуки, что не оценила излишних приставаний восьмилетнего Маттиаса и укусила, оставив заметный до сих пор шрам на носу, который старательно приходилось замазывать во время жизни в Баварии.

Последний пролет...

В коридоре небольшой квартиры слышались шаги. Отец вернулся с дежурства. Маттиас всегда ложился спать ровно в девять — за этим следила пожилая соседка, а затем отправлялась в свою квартиру. Помня ужасы военных лет и с облегчением встретив советских солдат в Берлине, фрау Шмидт с огромным уважением относилась к

офицеру пограничной службы, что охранял Восточную Германию от фашизма, неискоренённого в Западной, и потерял жену (по легенде — после продолжительной болезни). Присматривать за Маттиасом было не сложно — мальчишка хоть и был нелюдом и замкнут, но был крайне самостоятелен и понятлив. А его увлечения — книги на немецком, русском, английском, плавание пару раз в неделю и занятия легкой атлетикой — находили отклик даже у пожилой ффрау Шмидт. Ведь ни она, ни сам Маттиас не догадывались — всё это было предложено Вольфгангом сыну не просто так, а с вполне конкретными целями.

— А сегодня?.. — Маттиас выбежал в коридор в пижаме. На часах — за полночь. Но на лице мальчишки ни следа сна. Маттиас ложился в девять. Но никогда в девять не засыпал, ожидая прихода отца. Потому что мысль о том, что пропасть может ещё и он — крутилась в голове без остановки, лишая возможности сомкнуть глаза.

Вольфганг снял фуражку, медленно и аккуратно-бережно уложил на комод в прихожей, затем принялся растегивать массивные пуговицы форменного пальто.

— А сегодня?.. — распахнув большие, ещё наивные глаза, продолжал Маттиас, следуя за утомленным службой отцом в ванную.

Но Вольфганг молчал, больше не в силах ни слышать эти вопросы, ни отвечать. Маттиас был уже не мальшом, а школьником. Он вытягивался и креп на глазах. Но всё не мог

смириться. И не только тонул в этой боли сам, но и затягивал туда взрослого мужчину — офицера и главу их неполноценной, искалеченной, но всё же семьи.

— А сегодня?.. — уже тише, но всё ещё настойчиво продолжал Маттиас, теперь топая босыми ногами на кухню, где выжидаяще наблюдал, как отец осушает стакан воды. Опустив его на стол, Вольфганг нахмурился, будто спрашивал о чем-то сам себя, и пристальнее посмотрел на сына, большие не желая в нём видеть ребенка.

— Никогда, Маттиас. Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Твоя мать убита агентами ЦРУ за отказ от сотрудничества.

Вольфганг говорил тихо, но надрывно. И не понимал, что больнее — озвучивать правду или видеть, как она меняет лицо Маттиаса. Как пара предложений резко добавили ему несколько лет жизни. Как большие карие глаза с длинными ресницами заполняются слезами и блестят... Как ладони рефлексивно сжимаются в кулаки, будто желая защитить того, кого уже не вернуть.

Но больнее оказалось слышать топот его ног, в надежде убежать, а затем — скрип кровати, под которую он забился.

Но так или иначе — Маттиас заговорил. И следующим его вопросом было не проклятое «а сегодня?», а уже новое, более осмысленное и гневное — «что такое ЦРУ?»...

— Товарищ генерал, — привычно начал Маттиас, но был,

как и почти всегда, им же перебит.

— Входи, — сухие, старческие губы растянулись в улыбке. Опустившись за стол, Маттиас и сам не смог сдержать улыбку, ощущая на себе внимательный, но радостный взгляд. И только статус и обстоятельства мешали более явным проявлениям радости от встречи. Но генерал, в отличие от майора, уже знал, что встреча эта будет очень короткой, вынужденной и деловой. И нет времени даже обсудить опыт двухлетнего проживания в ФРГ. Нет времени похвалить полезного агента, что смог не только отомстить за гибель одного из них, но и передать много важной информации, собранной из уст западных чиновников и их приближенных. Впрочем, прыжок через несколько «ступеней» в виде званий, включивший в себя переход от лейтенанта, обер-лейтенанта и капитана до майора, был красноречивее любой похвалы.

— Ты едешь в Потсдам.

Маттиас моргнул и нахмурился. Скорее даже из-за рези в глазах, чем из-за внезапного приказа начальства.

Генерал прищурился и взял со стола очки, что лежали поверх документов.

— Что с твоими глазами?

— Очень не хочется ехать в Потсдам.

Но генерал шутки не оценил. Пришлось пояснить:

— Влияние цветных линз. Задержался, так как пришлось заехать в госпиталь. Потребуется время на восстановление,

но доктор Шнайдер уверена, что на остроте зрения не скажется.

— Есть лечение?

— Да.

— Оформи всё необходимое за счёт министерства через фрау Нойманн.

— Я рассчитывал на службу в Берлине, — неопределенно пожал плечами Маттиас, не сдержавшись и всё ещё надеясь, что перспектива отправиться в Потсдам — хоть тот и находился на расстоянии около тридцати километров от Берлина и входил в состав ГДР — пролетит мимо как шальная пуля и не заденет даже по касательной.

— Ты не сможешь вернуться к службе на германо-германской границе.

Маттиас моргнул. Почти попеременно из-за слипающихся по причине сонливости и недомогания ресниц.

— Пункт в Берлине — «центральные» ворота в ГДР. Через них приезжают многие высокопоставленные жители Запада, которые могли отдыхать в Альпах. Мариенборн — крупнейший пропускной пункт, с колоссальной нагрузкой по числу машин, грузов и людей. Знаю, ты незначительно изменял внешность, но рисковать тобой я не намерен. Уверен, ты всё понимаешь.

Несколько минут Маттиас молчал. За окном, из-под приподнятых до середины желтых жалюзи, виднелся рассвет. Слова генерала ещё несколько секунд эхом отдавались в

голове, с каждым разом усиливая неприятное осознание несбыточности собственных желаний. Но, выбирая между «отомстить за отца» и «пойти по стопам отца», Маттиас вновь выбрал бы первое.

— Что потребуется от меня в Потсдаме? — Маттиас повернул голову в сторону генерала.

— Первый раз подобное случилось, когда ты был ещё маленьким... — издалека начал он, вновь доставая с помощью ключа какие-то документы из небольшого ящика, но не торопясь протянуть их Маттиасу. — В 1969 году в Праге, на Вацлавской площади...

— Студент совершил самосожжение, выражая протест против оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора, — с красноречивым нетерпением договорил Маттиас, вспоминая, как изучал этот эпизод уже будучи курсантом военной академии.

Власти Чехословакии пытались исказить или скрыть причины самосожжения студента и выдворили многих иностранных журналистов из страны. Позднее коммунистическая партия заявляла, что юноша не собирался заканчивать жизнь самоубийством, а бензин появился в его руках из-за использования молодого человека без его же ведома в целях провокации и ухудшения и без того нестабильной обстановки в стране.

Однако до сих пор — даже имея доступ к секретным документам и спустя семнадцать лет — ясности в случившемся

ся нет.

— Мы выдернули тебя из Баварии потому, что в Потсдаме случилось похожее.

Маттиас развернулся к генералу всем корпусом, навалившись на спинку стула боком.

— Когда? Где именно?

— Ты ничего не слышал?

— Нет, — твёрдо отвечал майор, однако предполагал, что это — его большое упущение.

Но на напряженном, озадаченном лице генерала, испещренным морщинами, вдруг появилась тень успокоения. Будто сомнения, терзавшие его, на мгновение, после одного короткого слова опытного агента, развеялись.

— Отлично.

Маттиас изогнул бровь. Но через секунду осознал — если бы о произошедшем разузнали в разведке ФРГ, весь мир уже клеймил бы страны социалистического лагеря. А если даже в Западной Германии тихо — никто ничего не узнал.

— На прошлой неделе семнадцатилетний воспитанник интерната для детей диссидентов и перебежчиков — Пауль Байер попытался поджечь себя у кабинета директора, — начал генерал, за прошедшие дни потерявший примерно столько же нервных клеток, сколько было утрачено в годы самых жестоких противостояний Холодной войны. — С многочисленными ожогами тела и без сознания он доставлен в военный госпиталь — только так мы будем уверены, что ни-

кто из наших, проверенных врачей не вынесет эту историю в массы...

— Где он взял бензин?

— Ты задаешь правильные вопросы, — закивал генерал, понимая, что вновь делает лучший, хоть местами и вынужденный, выбор. Маттиас не понимал случившиеся как «трагедию человека» и не испытывал сожаления к ребенку, что, очевидно, был искалечен психически, а теперь ещё и физически. Маттиас понимал это как «поломку в системе», как бомбу, что могла разорваться в информационном пространстве, от которого не скрыться ни за одной стеной — включая Берлинскую.

— В конце августа в интернате намного меньше детей — часть уехала к родственникам, чьи характеристики позволяли доверить им хоть и временное, но воспитание. Из сотрудников — директор, пара воспитателей, медсестра, психолог и учителя, что в каникулы занимаются кружковой деятельностью — рисование, музыка и физическая культура. Это позволило нам быстро среагировать на случившееся, в том числе благодаря бдительности директора — фрау Фишер, и не допустить распространение информации, что погубила бы всю гуманитарную деятельность СЕПГ и подставила бы под удар все страны соцлагеря.

Маттиас слушал, подперев ладонью подбородок и задумчиво едва постукивал пальцем по скуле. Становилось всё интереснее.

— Сотрудников допросили?

— Да. И взяли с них же подписку о неразглашении. В случае утечки информации им будет грозить тюремный срок.

Маттиас кивнул, ещё несколько секунд пытаясь уложить информацию в своей голове, а затем уточнил:

— Допрашивать детей...

— Можно — в присутствии директора или педагога-психолога. Но никто из них не был свидетелем случившегося. Допросили соседей по комнате и двух ребят, что были с ним, со слов воспитателей, дружны. Но не получили ничего внятного.

— Они могли знать о планах Пауля.

— Разумеется, такой вариант штаб не исключает. Следствие продолжается, но нам нужен взгляд изнутри. Нужны ты.

— Прикрытие?

— Учитель русского языка.

Маттиас попытался сдержать саркастичный смешок, но тот застрял в горле коротким кашлем.

— Штаб пытался придумать что-то иное для другого агента, но в интернате ещё с конца прошлого года вакантно место преподавателя русского, а временно «выводить» кого-то из коллектива и присылать вместо него другого человека, в нынешних обстоятельствах, подозрительно.

— Хорошо знать язык — не всегда равно такой же хорошей способности его преподавать. Тем более детям.

— Но для тебя, в отличие от всех остальных агентов, исключая тех, что из группы советских войск в Германии, он почти родной. Ты выкрутишься, я в тебе уверен.

Маттиас криво ухмыльнулся, качнув головой. Слово «выкрутиться» из уст генерала разведки звучало забавно. В отличие от всего остального, что он только что прослушал.

— Постарайся войти в доверие к сотрудникам и к детям. Не исключаю, что на это потребуется много времени, но для полноты следственных мероприятий это необходимо. Психика этих детей чрезвычайно уязвима, на неё легко оказать разрушительное воздействие, Маттиас. И если это продолжится — мы не сможем это скрыть.

— Есть версия, что с детьми «работает» кто-то из персонала?

— Других даже нет. Ребенок из учреждения закрытого типа, не имеющий других родственников, не мог раздобыть горючее и вряд ли мог додуматься до такой показательной акции.

— Но сироты зачастую склонны к деструктивному поведению...

— Отлично, ты даже немного знаком с детской психологией, — закивал генерал, не сдерживая улыбку. — Ознакомься.

Маттиас нахмурился, когда перед ним на столе оказались две папки. Одна с пометкой «Werner Brandstätter», другая — «Jonas Brandstätter».

— Твой брат, — пояснил генерал.

— Чудесно.

— Выезжать нужно завтра, чтобы успеть познакомиться с коллегами и обстановкой за несколько дней до начала учебного года.

Маттиас сконфуженно поджал губы, листая страницы выдуманной биографии своего брата, которого сделали младшим, судя по всему, потому что тот был «младше» ещё и по званию. Выдуманный штабом Йонас был обер-лейтенантом.

Маттиас ощущал легкую тоску — хотелось побыть в Берлине чуть дольше. Хотелось поработать в штабе с документами, пострелять из пистолета, чтобы убедиться, что двухлетняя стрельба из «Кольта» и ношение линз не лишили прежней меткости. И если не поучаствовать в торжественном параде на Дне Республики, то хотя бы просто примерить форму с новыми погонами майора.

И зайти в пусть и в безжизненную, но всё же свою квартиру.

Но всё это — вместе с возможностью иметь право выбора — осталось где-то в другой, не в этой жизни.

— Буду читать детям Маяковского и ездить на экскурсии в Трептов-парк? — холодно, но всё же с толикой возмущения уточнял Маттиас, бегло знакомившись с деталями собственной «биографии».

— Маяковского лучше не стоит, — нахмурился генерал. — Ты имеешь что-то против Трептов-парка? Когда ты сам был там в последний раз?

— В восемьдесят четвертом, возлагал цветы в День Освобождения. А затем уехал в Баварию. И физически не мог туда наведываться.

Генерала ответ удовлетворил.

— Спустись в архив, Мануэла подготовила для тебя всё, с чем необходимо ознакомиться до отъезда. Записи допросов, личные дела сотрудников и характеристики воспитанников выносить из здания нельзя. Остальное — книги по детской психологии, педагогике и грамматике разных уровней — можешь взять с собой и прочесть по пути. Завтра утром в Потсдам тебя доставит лейтенант Клутц.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.